

Коптильня в Верхней Штольне наконец-то была использована по назначению — в ней закоптили мясо забитых свиней. В ту ночь они устроили пир, на котором ели органы, и вскоре почувствовали тёплую волну, нечто сродни опьянению, когда сытная пища укрепила их кровь. На следующее утро Йорвиг стоял у основания новой лестницы, в третий раз проверяя угол спирали, чтобы убедиться, что они окажутся в правильном направлении на заданной высоте, когда к нему подошла Оникс и прервала его мысли:

«Я хочу выдолбить себе камору, — сказала она. — Я не собираюсь дальше спать в этой открытой кузне, где любой дворф может пройти мимо и увидеть меня».

Йорвиг сбился со счёта.

«Что? Аи, да. Хорошо». Честно говоря, его раздражало, что она спала там, в мастерской, потому что никто из них не решался туда заходить, пока она спала. «Полагаю, могу дать тебе свои инструменты. Вдвоём нам будет тесно работать на лестнице».

«У меня свои», — сказала Оникс. Это тоже удивило Йорвиги. Он и не заметил.

«Правда?» Хотя, нет, он заметил, что они принесли четыре кирки и наборы с зубилами. Просто он думал, что это лишнее, или, может быть, инструменты Саввиярма.

«Я бы разве пошла на георазведку в дикие земли без инструментов?»

«Верно», — сказал Йорвиг. Он внимательно смотрел на неё, пытаясь понять её эмоции и намерения. Сложно было что-то разобрать, когда почти всё лицо было скрыто. Она по-прежнему туго закручивала волосы, словно была в дороге. В Глубоком Вырезе девушки часто показывали волосы над полу-вуалью, заплетая сложные косы, украшая их бубенцами и тонкими сеточками из драгоценных металлов и камней. Для менее знатных не было редкостью использовать медь, бронзу и агат. Но ни одна дворфийка не оставалась бы долго неприметной, если бы захотела выйти замуж. Почему же эта не захотела?

«Сколько тебе лет?» — спросил Йорвиг. Кажется, Слэдждфист как-то говорил ему, но он не мог вспомнить.

«Какое это имеет отношение к выдолблению комнаты?» — ответила она холодным тоном.

«Никакого, — сказал Йорвиг, решив не извиняться за неуместный вопрос. Но всё же было бы логичнее остаться в Глубоком Вырезе, если бы она хотела выйти замуж за дворфа или заняться торговлей. Возможно, её обманули относительно ситуации в лагере, но всё равно странно было прийти сюда без конкретной цели.

«Итак, по поводу моей каморы?» — спросила она.

«Ты свободна копать».

«Где?»

Йорвиг поднял брови.

«Где мне копать?» — повторила она. «Я никогда не училась в шахтах, но, насколько я понимаю, rinlen решает, где копать».

Йорвиг вздохнул. Ему это было ни к чему. Он повернулся, чтобы посмотреть вниз по штольне,

размышляя. О жилых помещениях он не думал.

«В конце этого туннеля, — сказал он. — Туннель выходит за пределы жилы. Там есть левый угол. Продолжай ещё десять футов, потом можешь сделать жильё площадью пятьдесят квадратных футов справа, с обычным проходом».

Помещение в пятьдесят квадратных футов — это щедрое пространство в Глубоком Вырезе, больше, чем у большинства семей. Обычный проход представлял собой семь футов камня между помещением и проходом туннеля. По законам Глубокого Выреза, внешние три с половиной фута принадлежали проходу, а внутренние учитывались в пятидесяти квадратных футах. По традиции помещение охватывало камень на двадцать футов вверх от горизонтальной плоскости. Йорвиг не собирался сильно волноваться по поводу таких деталей здесь. Это было просто способом обозначить место. Заниматься такими вещами, как частные комнаты, казалось ему глупым, но, по крайней мере, это можно было сделать разумно.

«Это займёт у меня некоторое время, — сказала она. — Даже туннель. Мне не нужно пятьдесят. Я хочу только камору».

«Ты можешь взять её, но без руды, которую можно было бы добыть. Я пошлю Клифа, чтобы он помог тебе, пока туннель не будет прорублен. На лестнице всё равно слишком много работников». Лучше было придерживаться стандартных размеров для помещений, таких как пятьдесят, тридцать и десять квадратных футов. Неправильные формы создавали проблемы по мере расширения шахты.

«Спасибо», — сказала она.

Йорвиг пожал плечами и, не придумав ничего лучше, ушёл. Это займёт её и отвлечёт от работы.

--

Прошла неделя в относительном согласии. Дворфы постепенно привыкали не следить за каждым движением Оникс. Однако запасы мяса подходили к концу, и вновь возникла необходимость в охоте. Каждое утро они ходили к заколу, и по утрам им удавалось поймать хотя бы одну рыбу, но кроме масла для освещения это не сильно пополняло их запасы пищи. Одна рыба могла насытить одного шахтёра за один приём пищи.

Йорвиг спал накануне охоты, когда он проснулся от кошмара. Где-то рядом должна была быть Страйпер, потому что, когда он сел, она мяукнула и подошла, трясь о его ногу и мурлыкая. Одежда Йорвига была мокрой от пота, хотя он лежал прямо на холодном камне туннеля Нижней Штольни. Это было странно. Он уже много лет не видел этот сон. Йорвиг поднял Страйпер и усадил её себе на колени, глядя её шерсть. Это его успокоило. Один из её котят, уже взрослый, приглянулся Шайнбуту, и его часто можно было увидеть возле его ног. Другой котёнок сворачивался клубком на ногах Слэдджфиста, когда тот засыпал. Если кошка подходила к Слэдджфисту, когда он был бодр, он отгонял её, так что она ждала, пока он заснёт. Двое котят пропали, или, по крайней мере, Йорвиг давно их не видел. Трое других бродили вокруг, внутри копи или в лошине, но держались на расстоянии.

Согласно преданиям дворфов, до того, как они научились держать кошек от людей, крысы и мыши иногда заполняли колонии и шахты. Грызуны были уклончивы, их трудно было истребить, и они были достаточно малы, чтобы пролезать в узкие щели. Иногда казалось, что нет объяснения тому, как эти существа могли проникать в запечатанные каменные контейнеры. Некоторые говорили, что крысы обладают силами, выходящими за рамки

естественного. Чепуха, но такие истории пугали gilke и gilna.

Одна история всегда приводила Йорвига в дрожь, когда он был gilke. В ней говорилось, что до того, как в шахты привели кошек, если заражение становилось ужасным, дворфы выкапывали яму и бросали туда группу крыс, накрывая её до тех пор, пока не оставалась только одна крыса, поедающая остальных, чтобы не умереть с голоду. Затем они бросали ещё крыс, и ещё, и ещё, и ещё, пока снова не оставалась только одна. Вскоре это всегда была одна и та же крыса, которая выживала. Тогда они выпускали эту крысу.

И крысы в шахте исчезали.

Эту крысу называли Последней Крысой*, и она снилась ему в кошмаре, когда он был gilke, как и этой ночью.

Йорвиг содрогнулся, только подумав об этом. Страйпер повернула голову и слегка укусила его за руку; он сжал её сильнее, чем осознавал. Её зубы не прокололи мозолистую кожу.

«Тсс,» – сказал Йорвиг, касаясь носа Страйпер. Она снова клацнула зубами, но он успел убрать палец, а затем погладил её шерсть. Она мурлыкала, как журчащая водяная мельница. Возможно, это было глупое, детское поведение, ещё будучи gilke он начал кормить своих материнных Шахтёрских Бегунов, чтобы те оставались с ним, когда он спал. Тогда никакая Последняя Крыса не осмелилась бы подойти к нему.

Нос Страйпер повернулся в сторону двери Нижней Штольни, что была всего в десяти ярдах, и шерсть на её загривке встала дыбом. Мурлыканье сменилось низким шипением.

«Спокойно,» – сказал Йорвиг, глядя её спину и глядя в сторону каменной двери в полной темноте. «Спокойно, gilna.»

--

Йорвиг всё ещё занимался подсчётами на следующий день, когда он отправился вместе с Шайнбутом осматривать грядки. Они только что вернулись от закола, которая оказалась пустой. Вид рядов маленьких зелёных ростков, поднимающихся из влажной почвы, хотя бы немного приободрил Йорвига.

«Как думаешь, сколько это займёт времени?» — спросил Шайнбут.

«Не уверен.»

«Может, спросить у Оникс?»

«Может быть.»

Они всё ещё стояли там, сложив руки на груди и глядя на жизнь, едва пробивающуюся из земли, когда Йорвиг посмотрел на дальний край одной из грядок.

Он увидел следы.

Сначала он раздражённо подумал, что кто-то из дворфов небрежно прошёлся по грядке, но, когда подошёл ближе, понял, что это, и застыл.

«Шайнбут», — сказал он. Дворф поспешил подойти, и, увидев следы, резко втянул воздух.

«Их больше одного», — произнёс он.

Йорвиг посмотрел вниз по долине. Следы ürsi вели на юг, к башне. На более твёрдой земле следов видно не было. Они проявились только в мягкой почве грядки, а большая часть земли вокруг грядок была очищена от перегноя. К счастью, казалось, что ürsi не обратили особого внимания на маленькие растения.

Они направились к башне, и, оказавшись там, Йорвиг стал искать на земле признаки присутствия ürsi. Но земля была утоптана или покрыта кучами пустой породы, сброшенной с края моста, результатами их добычи.

«Думаешь, они пытались залезть?» — спросил Шайнбут.

«Они шли в эту сторону», — ответил Йорвиг, глядя вниз, в сторону Нижней штольни. Земля вокруг хвостохранилища была влажной и могла удержать следы. Поэтому, вместо того чтобы подниматься к башне, он вернулся вниз по долине, осматривая землю вокруг пруда. И точно, там были следы когтей, и много. Он подошёл, чтобы проверить каменную дверь Нижней штольни. Здесь земля была утрамбована и твёрда, но следы у пруда всего в паре ярдов от двери были отчётливо видны. Они побывали здесь, у Нижней штольни.

«Посмотри сюда», — сказал Шайнбут, указывая на один из следов. Йорвиг подошёл и посмотрел вниз.

«Что такое?» — спросил он.

«В них вода», — сказал Шайнбут.

Это было правдой. Но Йорвиг не понимал, что это значит.

«Дождя не было уже два дня», — добавил Шайнбут. «А эти, они пустые. Воды нет».

«Ты думаешь... думаешь, они приходят сюда не в первый раз?» — спросил Йорвиг.

«Ну... я просто говорю... Должно быть, они приходят сюда ночью.»

Эта мысль разожгла в Йорвиге пламя ярости. Он сжал рукоять своего молота. Эти гнусные kulkur заходят в их долину. И кто знает, может, они приходят сюда каждую ночь, выжидая подходящего момента. Дворфы привыкли спать ночью лишь для удобства. Они хотели видеть дальше, когда выходили из шахты, чтобы убедиться, что поблизости нет ürsi. Это было безопаснее, когда поблизости враги. Они держали мост закрытым, когда спали. Дворфы могли хорошо видеть в темноте, но не далеко. Их глаза лучше всего справлялись в замкнутых пространствах.

Рассказы говорили, что ürsi были существами ночи. Ещё одна причина, по которой они решили следовать дневному циклу на участке. Такие вещи, как солнце и луна, мало что значили для шахтёров в Глубоком Вырезе, но здесь это имело значение.

Той ночью они начали дежурства. Каждый из них по очереди оставался бодрствовать, соблюдая полуночные смены. Они выглядывали через узкое отверстие, которое они сделали в нижней части моста, чтобы, когда он был закрыт, они всё ещё могли видеть долину. Они не могли видеть нижнюю штольню, не выходя наружу, но в темноте было бы сложно разглядеть что-либо, кроме движения на таком расстоянии, если только не светила луна. Тем не менее, если бы что-то приблизилось к башне или прошло через долину сверху вниз, они бы это

заметили. Это не было таким уж испытанием, скорее раздражением. Дворфы редко спали дольше шести часов подряд. Это было просто потерянное время, которое можно было бы использовать для работы. Йорвиг не включил Оникс в список дежурных, но она, недовольная, зажала его в туннеле и спросила почему. У него не нашлось ответа, и она присоединилась к графику.

Йорвиг предпочёл бы жить так, словно её вообще нет на участке. Хобблфут и Слэджфист почти не разговаривали друг с другом, кроме как по делу, и, казалось, они часто не соглашались в том, что действительно нужно сделать.

Ничего не происходило две ночи, но на третий день они пробились к открытой поверхности на уровне первой террасы. Усердно работая, они построили винтовую лестницу, зал ожидания, толстую каменную дверь и даже вырыли немного золотиносного кварца. Когда они пробили проход, солнечный свет ворвался сквозь камень, и куски скалы с грохотом покатались вниз по утёсу, осыпаясь в долину. Теперь работа пойдёт быстрее, так как у них появилось больше места для нескольких дворфов, которые могли размахивать кирками, высекая террасы в скале.

Йорвиг решил, что той ночью он будет дежурить с новой террасы. Он убедился, что каменная дверь за ним плотно закрыта, и Клиф знает, где его искать, когда придёт его очередь. Йорвиг не думал, что ürsi будут готовы спускаться по склону сверху. На этот раз он должен был начать дежурство с закатом, поэтому поднялся и улёгся на живот на краю. Отсюда он мог наблюдать на юг, в сторону хвостохранилища. Он хотел видеть нижнюю долину.

Прошло два часа.

Мяу.

Звук был слабым, доносившимся с другой стороны каменной двери в двадцати пяти футах за ним.

Мяу.

Страйпер. Почему она последовала за ним, он не знал, но вставать и выпускать её сюда, на выступ, он не собирался...

Мяу.

Мяу.

Может, всё-таки собирался. Он начал подниматься, когда снова взглянул на юг. Он вновь лёг на живот.

Там. Фигуры двигались на дальнем конце пруда. Трое. Пятеро... Семеро, может быть. Некоторые из них не подходили ближе, присев у воды и... возможно, пили? Он хотел, чтобы тонкие облака рассеялись и позволили луне светить. Но тогда она была лишь полумесяцем. При полной луне он мог бы пересчитать их пальцы. Или уши...

Меньшая группа из трёх ürsi подошла к двери Нижней штольни, пригнувшись. Они, казалось, обнюхивали дверь, затем сели в плотный круг и начали жестикулировать. Один постоянно указывал вверх по долине. Какой бы ни был их смысл, они вернулись обратно на дальнюю сторону пруда и исчезли за краем насыпи из битого камня. Если бы они легли там, выглядывая из-за края и ожидая, их было бы невозможно увидеть.

Мяуканье прекратилось, и хотя звук собственного дыхания казался ужасно громким, он всё же слышал слабое кошачье шипение за дверью.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/117075/4659946>